НАУКА

БЫТЬ ЩАСТЛИВЫМЪ.

Сочиненіе *Духовскаго.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома.

1824 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО.

Въ Санктпетербургѣ 23 Маія 1824 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

Гос. Историч Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 289154
" 193 г.

НАУКА

БЫТЬ ЩАСТЛИВЫМЪ.

I.

Прекрасна роза! Но — какъ скоро увядаетъ!
Теперь прельщаетъ насъ, а завтра потеряетъ
И прелесть, и красу. — Не такъ ли подъ луной
Проходитъ красота, веселіе, покой?
Не такъ ли прелести, надежда, восхищенье?
Мы ищемъ щастья въ нихъ, а ловимъ ослѣпленье.
Едва касаемся мы розы на кустахъ,
Тернъ колетъ дерзкій перстъ и осыпается — прахъ!
Къ чему же было намъ за розами стремишся
И щастія искать, чтобъ щастія лишиться?
Къ чему гоняться намъ за славой, за мечтой,
За блескомъ почестей, богатствомъ, красотой?
Къ чему? — Въ нихъ щастья нѣтъ, въ нихъ щастья не бывало! . .
Такъ! такъ! Но все безъ нихъ чего-то сердцу мало! . .
Почто бы на землѣ, почтобы намъ и жить,
Когда бы не могли мы радостей ловить?
Нѣтъ! есть здѣсь щастіе! Насъ сердце увѣряетъ;]
Иначе для чего насъ чувство возбуждаетъ
Всегда къ нему летѣть, всегда его искать?
Нѣтъ щастья на землѣ, чтожъ щастіемъ назвать?
Что имъ именовать привыкли всѣ народы?
Нѣтъ, не таковъ законъ всещедрыя природы.
Почтожъ и рабъ, и царь его боготворятъ?
Почто же жизнію такъ люди дорожатъ?
Вотъ смертнаго девизъ; живи и наслаждайся.
Несчастливъ? Потерпи, дней ясныхъ дожидайся.

Быть можетъ, щастіе безъ зву къ тебѣ придетъ,
Богатство, почести и славу принесетъ,

II.

И такъ насъ щастіе въ *богатствѣ* ожидаетъ?
Вотъ отъ чего насъ такъ богатство привлекаетъ!
Какимъ же волшебствомъ и перлы, и алмазъ,
И злато, и сребро прельщаютъ взоры въ насъ?
Прекрасной видъ, когда надъ сердцемъ у прелестной
Гирлянды жемчуговъ льютъ свѣтъ и блескъ чудесной,
Иль вкругъ толпится чернь, толпятся вкругъ рабы!
Какъ лестно всякому любимцемъ быть судьбы,
Быть первымъ въ обществахъ и изумлять всѣхъ взгляды
И съ каждымъ днемъ мѣнять наряды на наряды! —
И такъ, кто золотомъ богатъ, то щастливъ сталъ?
Ахъ! нѣтъ! мнѣ кажется, не то я испытался:
Я видѣлъ, иногда и тамо слезы льются,
Гдѣ плески радости и пѣсни раздаются.
Нерѣдко дерзкою, невидимой стопой
Угрюма, злая грусть безвременной порой
Ходя изъ дома въ домъ, тамъ дольше остается,
Гдѣ злату и сребру и щета не ведется.
Нерѣдко въ тишинѣ и сумракѣ ночей
Она шипитъ, какъ змѣй, у ложа богачей . . .
Видалъ я, тщу же грудь вздымали огорченья,
Надъ коею вокругъ блистали украшенья.
Межъ тѣмъ какъ селянинъ средь хижины своей
Спокойно хлѣбъ-соль ѣстъ съ веселою семьей.
Захочетъ, отдохнетъ; захочетъ, потрудится
И счастливъ, счастливъ онъ: въ немъ злоба не гнѣздится,
Благословеніе на нивахъ у него.
Запасшись нужнымъ, онъ не ищетъ ничего.
Когда луна взойдетъ надъ ближнею рѣкою,
Въ свой челнъ садится онъ и крѣпкою рукою
Бросаетъ въ воды сѣть, и сѣть его полна!
Свидѣтель щастія лишь самъ онъ и луна.
И два-три, можетъ быть, иль брата, или друга,
Или, подъ часъ, его усердная супруга.

Потомъ вложивъ весло дубовое въ свой челнъ
Съ добычею своей онъ ѣдетъ съ чистыхъ волнъ
Подъ кровомъ прадѣдовъ покоемъ насладиться.
Покоемъ? А богачь пошѣетъ и трудится,
За чѣмъ же? Можетъ быть, за каршою въ рукахъ!
Тутъ ни пріязни нѣтъ, ни радости въ сердцахъ!
Одинъ готовитъ ковъ, другой предупреждаетъ:
Ищижъ тамъ счастія, гдѣ счастья не бываетъ.
Куда взошла корысть, тамъ щастья не найдешь!

III.

Гдѣ жъ ты, о щастіе безцѣнное, живешь?
Скажи, какими намъ дойти къ тебѣ путями;
А мы, мы пламенно горимъ къ тебѣ сердцами.
Ты не въ чертогахъ ли вельможей и князей?
Не въ титлахъ ли, чинахъ, и множествѣ честей?
Иначе для чего искать вельможамъ *славы?*
Въ ней блескъ, въ ней щастіе? — Вельможи точно правы!
Конечно, тотъ щастливъ, кто титла заслужилъ
Трудомъ и правдой, кто для блага міра жилъ:
Но слава безъ заслугъ Славянамъ незавидна.
Ужомъ и жабою искать наградъ имъ стыдно.
Намъ лучше почестей совсѣмъ не получать,
Чѣмъ рабски у вельможъ поклоны раздавать,
И то, что говорятъ, оправдывать изъ лести.
Нѣтъ! Въ почестяхъ такихъ немного людямъ чести.
Напрасно пилигримъ, родной оставя край,
За моремъ думаетъ найти блаженный рай.
Вездѣ одинъ уставъ премудрыя природы;
И въ Сейнѣ, и въ Невѣ не медъ течетъ, а воды.
Въ Парижахъ хорошо; конечно, все тамъ есть,
Но въ маскѣ дружества тамъ часто ходитъ лесть,
Тамъ мода ложный блескъ показываетъ свѣту,
Тамъ суетность манитъ и бѣднаго въ карету . . .
И какъ же можно намъ тамъ щастіе найти,
Гдѣ надобно идти по скользкому пути?
Мы, кажется, хотимъ жить тамъ — надъ облаками;
Но что жъ? Семь тысячь лѣтъ мечты текутъ мечтами.

И для чего бы намъ отличій здѣсь искать?
Не всѣмъ ли общая земля сія намъ мать?
Не всѣ ли мы равно родимся, умираемъ?
Не всѣ ли равныя могилы ожидаемъ?
Напрасно, другъ — богачъ, возносишь ты чело:
Смотри — и дерево для гроба возрасло.
Пусть пишлы начертятъ тебѣ на мавзолеѣ;
Ташмъ ишла ненужны; не спросятъ, кто знатнѣе?
Тамъ добрыя дѣла, не золото блестятъ,
И пышный монументъ лишь прахъ отяготитъ.
Вотъ гордыхъ счастіе, вотъ все ихъ упѣшенье!
Вотъ все, что можетъ міръ отдать имъ въ награжденье!
Вотъ все, что суетность даритъ имъ на земли! —
И вы, дипломы, гнить останетесь въ пыли!

IV.

Пей, ѣшь и веселись, коль хочешь жить щастливо:
Такъ *роскошь* говоритъ съ улыбкой прихотливой.
То правда, веселъ, смѣлъ роскошный на пиру.
Я въ немъ участіе сердечное беру
И щастья въ немъ найти, мнѣ кажется, возможно.
Ахъ! ясно видятъ всѣ, что щастье это ложно!
Того ни въ пышности, ни въ нѣгѣ сладкой нѣтъ,
Что прочнымъ щастіемъ вселенная зоветъ.
Теперь роскошный бодръ, теперь съ нимъ все смѣется,
А завтра и ему знать скуку приведется.
Теперь при немъ друзей числа и мѣры нѣтъ,
А завтра первый другъ его же осмѣетъ.
Теперь онъ вина пьетъ Бургунда и Шампани,
Теперь летаетъ онъ на облакѣ мечтаній,
А завтра призраки разсыплются какъ прахъ.
И что жъ придумала намъ роскошь на пирахъ?!
Какіе странные распространились нравы!
Какія новыя мы вздумали забавы!
Чѣмъ другу вѣрной другъ желаетъ угодить?
Чтобъ сокомъ Вакха въ немъ разсудокъ затемнить!
Что жъ выгоды имѣть намъ менѣе разсудка?
Сходнѣе быть съ скотомъ? Невыгодная шутка!

Я симъ усердія хозяевъ не виню,
Но на безуміе разсудка не смѣню.
Намъ лучше за большимъ веселіемъ не гнаться,
Лишь только бы съ своимъ разсудкомъ оставаться.
Но вина, скажутъ мнѣ, для вкуса хороши? —
Для вкуса? Сладки! такъ! но горьки для души!
Мы сами для себя готовимъ симъ напасти
И новыя во всемъ выдумываемъ страсти.
Мы множествомъ зашѣй потомковъ удивимъ
И наши прихоти загадкой будутъ имъ.
Склони къ развратну слухъ: ты въ голосѣ Сирены
Услышишь лесть, обманъ, коварство и измѣны.
Что сластолюбіе? Оно есть алчный змѣй,
Который пестрotой прелестною своей
Влечетъ къ себѣ и умъ, и сердце, и желанья.
Пріятенъ свистъ его, пріятны ожиданья;
Но подойди, и онъ смертельно уязвитъ,
И язвы сей ничто, ничто не изцѣлитъ,
А что ужаснѣе, мы сами забываемъ,
Когда сей язвою опасною страдаемъ.
Мы сами ищемъ зло, когда его клянемъ,
И гдѣ огонь горитъ, мы масло тамо льемъ.
Безуменъ, кто себя питаетъ нѣгой, страстью:
Онъ въ лабиринтъ зашелъ, идти мечтая къ щастью.
Когда на немъ лѣта морщины начертятъ,
Надежды отъ него мгновенно отлетятъ
И въ сердцѣ пустота останется и скука.
Гдѣ жили прихоти, жить будутъ грусть и мука,
И Парка ранѣе желѣзомъ пресѣчетъ
Нить жизни у того, кто въ роскоши живетъ.
Коль щастье въ роскоши, то щастіе забудемъ,
Такому щастію завидовать не будемъ,
Такое щастіе нелестно никогда.
Не лучше ли цѣной полезнаго труда
Купить себѣ добро нельстивое, прямое
И между тѣмъ прожить сей краткій вѣкъ въ покоѣ,
За быстрый часъ утѣхъ годами не платить
И въ призракахъ, въ мечтахъ тѣнь щастья не ловить?

V.

Воздвигнемъ же, друзья, алтарь всемощной *модѣ*.
Извѣстно намъ ея владычество въ народѣ,
Извѣстны всѣмъ ея и сила, и законъ.
Передъ ея златой, великолѣпной тронъ
И бѣдный, и богачь, юродивый и мудрый
Несутъ посильный даръ богатый или скудный.
Что жъ у богини сей хотятъ они просить?
Чтобъ щастіемъ блеснуть, что бъ въ щастіи прожить!
И такъ бѣжимъ и мы, дары свои приносимъ;
Быть можетъ, щастія и мы себѣ испросимъ.
Какъ лестно передъ ней колѣна преклонять
И подъ ея законъ убранства покорять!
Намъ скажутъ: лучше быть никакъ уже не можно!
Въ послѣднемъ вкусѣ все: прекрасно! Такъ и должно! —
Въ послѣднемъ вкусѣ? Такъ! послѣдній это вкусъ,
Когда за прихоти взялась святая Русь!
Пипомецъ нѣжности пусть будетъ жить по модѣ,
Пусть лавры жнетъ себѣ отличія въ народѣ,
Пусть сердце и языкъ по модѣ у него;
Избавь васъ Богъ, друзья, отъ щастія сего!
На что намъ тысячи учтивостей примѣрныхъ?
Ихъ лучше пять-шесть словъ нельстивыхъ, но усердныхъ.
Что будетъ, естьли всѣ по модѣ станутъ жить
И моднымъ дружествомъ за дружество платить?
Не такъ у насъ отцы и дѣды наши жили;
Они змѣевъ съ собой сосѣдямъ не носили,
Не цѣловали ихъ лобзаніемъ льстецовъ . . .
Не дай Богъ видѣть мнѣ, чтобъ градъ моихъ отцовъ
Подобные себѣ присвоилъ вздумалъ нравы!
Когдабъ въ немъ стали всѣ чтить модные уставы,
Тогда бы отъ гробовъ отцевъ моихъ отсель
Я первый убѣжалъ за придевять земель!

VI.

Гдѣжь намъ искать тебя, любезнѣйшее щастье!?
Вездѣ на свѣтѣ есть и ведро, и ненастье.

Въ чертогахъ, въ хижинахъ, во храмахъ, въ шалашахъ,
Повсюду бѣдствія разносятъ скуку, страхъ,
Печаль, отчаянье, рыданіе, смущенье.
Мы сѣемъ радости, а зрѣетъ огорченье.
Духъ злобы распростеръ повсюду мракъ и тьму,
Разставилъ сѣть коварствъ и сердцу и уму,
И мы, безумные, самихъ себя терзаемъ;
Лобзая сѣть сію, мы съ нею утопаемъ.
Смотри, какъ жадный Кронъ въ обманахъ суеты
Льетъ на вселенную свѣтъ ложный и мечты;
Смотри, какъ цѣпь временъ онъ грозно сотрясаетъ
И роковымъ жезломъ утесы сокрушаетъ,
Смѣняя ночью день и днемъ смѣняя нощь,
Снѣдаетъ блескъ земной, величіе и мощь,
И зыблетъ небеса десницею своею.
Увы! падемъ и мы подъ тяжестію сею!
Что жизнь? Мечта! что міръ? Онъ машина страстей!
Съ друзьми веселись, а тайно слезы лей!

VII.

Тогда какъ суетность міръ вихритъ съ грозной властью,
Есть тайный талисманъ, чтобъ путь найти ко щастью.
Не порошокъ ли то волшебной, золотой?
Нѣтъ! нѣтъ! но *миръ души*, *довольство* и *покой*.
Пусть громы въ пламени горъ ребра потрясаютъ;
Небойся: небеса неправду въ нихъ караютъ.
Пусть врагъ твой роетъ ровъ погибели тебѣ;
Не проклинай его, оставь его судьбѣ,
Онъ самъ въ него падетъ коварствомъ отягченный;
А ты въ молчаніи, ты съ сердцемъ откровеннымъ
Безбѣдно проживешь; любовь тебѣ во слѣдъ
Съ пріязнью, дружествомъ и щастіемъ пойдетъ.
Тогда какъ жадному и всей вселенной мало,
Ты будь доволенъ тѣмъ, что небо ниспослало.
Чего на свѣтѣ нѣтъ? Всего не соберешь!
Коль нагъ ты въ міръ пришелъ, то нагъ и отойдешь.

VIII.

Щастливъ, кто многаго не ищетъ подъ луною,
Невинныхъ не тѣснитъ, и чистъ своей душою
И въ Зевсовы вѣсы неправды не кладетъ.
Онъ истиннымъ путемъ до щастія дойдетъ.
Щастливъ, кто не таитъ подъ грудью злобы змія,
Чье сердце не тѣснятъ заботы роковыя,
Кто бѣдныхъ за звѣрей на свѣтѣ не щиталъ,
Но съ ними въ нужный часъ всѣ нужды раздѣлялъ.
Щастливъ, кто никого лишь слезы не заставилъ
И зло своихъ враговъ безъ мщенія оставилъ.
Пусть сферы рушатся, но онъ неколебимъ:
Онъ выше міра тьмы, Богъ свѣта ходитъ съ нимъ.

Щастливъ, кто руку далъ испытанному другу,
Кто по сердцу нашелъ разумную супругу,
Кто тихо, безъ громовъ, подъ тѣнью въ свѣтѣ жилъ:
Богатъ иль небогатъ, всегда онъ щастливъ былъ!
Пусть черный клеветникъ чернитъ его въ народѣ;
Кто можетъ дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ природѣ,
Тотъ не заботится, какъ думаютъ объ немъ.
Какимъ бы кто ни шелъ невиннѣйшимъ путемъ,
Языкъ злорѣчія всегда найдетъ причину.
Онъ перечислитъ все: умъ, нравы, поступь, мину
И въ пятну уязвитъ. — Побѣда изъ побѣдъ!
Но станетъ правота, главу змія сотретъ;
Предъ ней и адъ, и смерть, и злоба поспыдится.
Вотще коварство здѣсь надъ щастіемъ трудится:
Коварство никогда въ храмъ щастья не взойдетъ.
Одинъ лишь путь — прямой ко щастію ведетъ.

Рук № 25622